

ЛЕЙБНИЦ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБРАЗОВ РОССИИ

Представления об отдельных регионах, народах и государствах, как показывает история, нередко формируются под влиянием конкретных событий. Так например, освободительные войны 1813–1815 гг. в значительной мере определили то, какой виделась окружающему миру Франция, подобно тому как Вторая мировая война определила образ Германии. Именно поэтому изменение в исторической расстановке сил довольно часто влечет за собой и радикальное изменение соответствующего образа той или иной страны.

Вместе с тем, однако, представления о других народах, особенно, о соседях, включают в себя и некоторые устойчивые элементы, не подверженные влиянию времени. История Восточной Европы яркий тому пример, и объясняется это не в последнюю очередь ее особым геополитическим положением: если на западе, юге и севере Европа ограничена морскими пределами, то на востоке подобные естественные границы отсутствуют.

Отсюда, с Востока, испокон века исходила угроза вторжения: в летописи ранней европейской истории сохранилось немало свидетельств о набегах и военных походах чужезмцев с Востока. Помимо этого «натиска на Запад», как стало принято позднее называть эти экспансивные перемещения, существовал и «натиск на Восток», который, впрочем, в некоторых случаях основывался на добровольном соглашении сторон, когда иноземцы внедрялись в восточно-европейское пространство по высочайшему приглашению. Какими бы причинами, однако, не объяснились эти встречные движения, они неизменно вызвали обоюдный страх, воспринимались как опасность. И чем сильнее это чувство страха, тем настойчивее звучат голоса тех, кто снова и снова возбуждает вопрос о том, является ли Восточная Европа частью общей Европы или она представляет собой нечто особенное и самодостаточное.

1

В Средние века государства-наследники распавшейся Римской империи, а также государства-наследники империи, возрожденной Карлом Великим, поначалу имели дело на Востоке с одной лишь

Германией, которая с момента своего образования в X в. заменяла собой всю Восточную Европу¹. В XV в. к Восточной Европе причислялся уже целый ряд государств: королевство Венгерское, королевство Богемское, королевство Польское, а также Пруссия, государство тевтонского ордена. Вопрос о принадлежности России (Москвы) к Восточной Европе в ту пору даже не вставал². На Западе первым заговорил о Москве австрийский дипломат, барон Сигизмунд фон Герберштейн (Siegismund von Herberstein, 1486–1566), составивший отчет о посольской миссии в Россию в 1517 г. «Записки о Московии» («*Regum Moscovitarum commentarii*»)³. Благодаря этому Россия стала предметом как политических размышлений, так и литературы, впрочем, пока только в пределах Австрии.

В XVII в. подобного рода сообщения о России начали во множестве появляться в Германии, Англии, Франции и Италии⁴. Одним из величайших умов того времени был Готтфрид Вильгельм Лейбниц (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646–1716). Философ, определивший на целое столетие развитие европейской мысли, он состоял советником при многих дворах (Версаль, Ганновер, Брауншвейг, Дрезден, Берлин, Вена, Санкт-Петербург), и потому мог оказывать значительное влияние на европейскую политику. Довольно рано открыв для

¹ Подробнее см.: Osteuropa als Problem europäischer Geschichte // *Abhandlungen der Humboldt-Gesellschaft für Wissenschaft, Kunst und Bildung*. Bd. 20. Zwischen Ost und West. Aspekte des Kulturaustauschs in Europa vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Mainz: Verlag der Humb.-Gesellsch., 2006. S. 33–51; см. S. 34 и далее.

² Первым, кто разработал историческую теорию Восточной Европы, был Энеа Сильвио де Пикколomini (Enea Silvio de' Piccolomini, 1405–1465), выходец из Сиены, впоследствии (с 1458 г.) Папа Пий II. В своих трудах «История императора Фридриха III» («*Historia Friderici III. imperatoris*», 1452–1458), «Германия» («*Germania*», (1457/58), «История Богемии» («*Historia bohemica*», 1458), «Европа» («*Europa*», 1460), а также в письмах и речах он впервые представил Восточную Европу как «оплот христианства», спасающий Европу от турецкого нашествия. Подробнее см.: Enea Silvio — Pius II. Böhmen und das Imperium // Aeneas Silvius Piccolomini «*Historia bohemica*» / Hrsg. von Josef Hejnic und Hans Rothe (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. N. F. Serie B: Editionen Bd. 20. Teil I–III). Köln: Böhlau, 2005. Teil. I. S. 0224–0225

³ Подробнее см.: *Stökl G.* Sigismund Freiherr von Herberstein. Diplomat und Humanist // *Ostdeutsche Wissenschaft*. 1960. Bd. 7. S. 69–80; там же: *Der russische Staat in Mittelalter und früher Neuzeit. Ausgewählte Aufsätze*. Wiesbaden: Steiner, 1981. S. 318–329; *Он же.* Herbersteiniana // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. 1967. Bd. 15. S. 423–432.

⁴ Из многочисленных литературных источников можно указать: *Stökl G.* Rußland und Europa vor Peter dem Großen // *Historische Zeitschrift*. 1957. Bd. 184. S. 531–554; переиздано в: *Ausgewählte Aufsätze*. S. 294–317.

себя Россию, он много размышлял о ней, а в конце жизни посвятил ей немало восторженных строк. В своих многочисленных записках и письмах он ратовал за включение России в систему европейских государств и перенос европейской цивилизации и образования на русскую почву⁵. Именно по инициативе Лейбница первый король Пруссии Фридрих I (1657–1713), еще недавно именовавшийся Фридрихом III, курфюрстом Бранденбургским (с 1688 г.), учредил, едва взойдя прусский престол (1701 г.) Прусскую Академию наук, которую и возглавил Лейбниц, став ее президентом. Аналогичный проект Лейбниц думал претворить и в России Петра I.

За полвека сознательной жизни Лейбница его суждения о России претерпевали изменения. Широко известно, что он приложил немало усилий, чтобы оказать действительную помощь Петру I в реализации масштабных образовательных планов. Эти начинания повлияли на представления о России во всех европейских странах.

Менее известно, что говорил Лейбниц о России в начале своего пути. Но именно эти ранние высказывания мыслителя позволяют судить о том, почему он сам, а вместе с ним и другие философы и политики, считали своим долгом обратить особое внимание на Россию, сравнительно недавно обозначившую свое присутствие на исторической арене. Эти первоначальные рассуждения послужили Лейбницу основой для создания впоследствии нескольких образов России, которые, в свою очередь, оказали существенное влияние на европейские умы.

2

До Петра I образ России в Европе во многом определялся Польшей, католическими польскими авторами, которые с чувством собственного превосходства писали о восточных варварах и ерети-

⁵ См. подробнее: *Posselt C. Peter der Große und Leibniz*. Dorpat; Moskau, 1843; *Guerrier W.* Лейбниц и его век. Пб., 1867; *Он же.* Отношения Лейбница к Петру Великому // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1870. Т. 147. Отд. 2. С. 1–48; Т. 148. Отд. 2. С. 345–415; *Он же.* Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen. Eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften. Pbg.; Leipzig, 1873; *Пекарский П.* История Императорской Академии Наук в Петербурге. Петербург, 1870 (переизд.: Лейпциг, 1977). Т. 1. С. XXII и след., прим. 2; *Baruzi J.* Leibniz et l'organisation religieuse de la terre d'après des documents inédits. Paris, 1907. P. 166–176. Kap. III. Pierre le Grand; *Bittner K.* Slavica bei G. W. v. Leibniz // *Germanoslavica*. 1931/32. Bd. 1. S. 3–32; 161–234; 509–557; *Benz E.* Leibniz und Peter der Große. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit // Leibniz zu seinem 300. Geburtstag. 1646–1946 / Hrsg. E. Hochstetter, Berlin: de Gruyter, s. a. [1947]. S. 1–88.

ках. Но все больше и больше эти суждения в западных абсолютных монархиях рассматривались на фоне мнения о самом польском государстве. После того как в 1572 г. пресекалась династия Ягеллонов, Польша превратилась в выборное королевство. Вскоре стало очевидно, что эта так называемая дворянская республика крайне слаба с внешнеполитической точки зрения, хотя внутри страны она, как проводник католической Контрреформации, всячески старалась продемонстрировать свою силу. Когда-то могущественное, польское государство в XVII в. стало приходить в упадок.

В 1669 г. в Польше проходили выборы короля. Политика короля Яна Казимира (1609–1672; правил в 1648–1668 гг.) провалилась, в результате нескольких войн Польше пришлось уступить часть своей территории, в том числе и Москве. Именно благодаря этому Россия окрепла и со всей отчетливостью обозначила свое присутствие на восточных границах Европы. После заключения мира в Андрусово (1667), когда Польше пришлось уступить России всю область левее Днепра вместе с Киевом, король признал свое поражение и в 1668 г. отрекся от трона.

Последовавшие затем выборы польского короля вызвали повышенный интерес в Европе, поскольку среди претендентов на трон наряду с герцогом Карлом Лотарингским, кандидатом от Габсбургов, принцем Конде от Франции и пфальцграфом Филиппом Вильгельмом Нойбургским, которого поддерживал прежде всего Бранденбург, числился и сын русского царя, Алексей Алексеевич (1654–1670). В первый раз европейские политики оказались перед выбором: принять мирное продвижение России на Запад или воспрепятствовать ему.

В Германии при решении таких политических вопросов решающим голосом издавна обладал архиепископ Майнца. Первым министром при нем с 1650 г. состоял Иоганн Кристиан фон Бойнебург (Johann Christian v. Boyneburg, 1622–1672), который уже в 1658 г. принимал участие в выборах кайзера Леопольда Габсбурга (1640–1705). Теперь Бойнебург представлял интересы пфальцграфа Нойбургского. Он был дружен с Лейбницем, которого вскоре после этого приблизил к себе, пригласив во Франкфурт. Бойнебург поручил Лейбницу составить справку о польских выборах короля и четырех претендентах на корону. Именно в этом документе 1669 г. — «Пример политических доводов, касающихся выборов Польского короля» («Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum») ⁶ — Лейбниц впервые затрагивает тему России.

⁶ *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe / Hrsg. von der Preußischen Akademie der Wissenschaften, nach 1950 von der Akademie der Wissenschaften der DDR. Vierte Reihe: Politische Schriften. Bd. I. Berlin: Akademie-Verlag, 1983. S. 3–98.*

3

Используя логико-математический метод, Лейбниц составляет 60 суждений (*propositiones*)⁷. К каждому отдельному суждению он подбирает аргументы за и против, чтобы затем сделать на основании этого вывод, который в большинстве случаев подтверждает выдвинутый в начале тезис. По существу, главная задача, которую преследовал в данном случае автор, сводилась к тому, чтобы представить кандидатуру пфальцграфа Нойбургского как самую подходящую, и одновременно показать непригодность остальных трех претендентов. Обращает на себя внимание то, что Лейбниц, в целом весьма сдержанный в своих суждениях, почти во всех случаях первым отклоняет русского кандидата и высказывается при этом весьма определенно.

Пропозиции организованы следующим образом:

№№ 1–4 (S. 3–8⁸): внутренние предпосылки для выборов короля в Польше;

№№ 5–19 (S. 9–19): внешние обстоятельства и положение польской короны среди европейских государств;

№№ 20–57 (S. 19–61): качества, ожидаемые от претендента на польский трон, условия, которые он должен выполнить;

№№ 58–60 (S. 62–84): позиция кандидата по отношению к внутренним польским обстоятельствам;

Заклучения №№ 1–4 (S. 84–95): №№ 1–3 — московского, лотарингского кандидатов и Конде выбирать не следует, № 4 — следует выбрать пфальцграфа Нойбургского.

4

Во всех пунктах речь идет, конечно, о Польше. Прежде всего, важна форма, которую Лейбниц выбрал для этого трактата. Он представил свое сочинение под псевдонимом *Georgius Ulicovius Lithuanus*. Инициалы совпадают с его собственными. Лишь спустя тридцать девять лет Лейбниц открыл свое авторство⁹. Псевдоним был выбран удачно: автор выдавал себя за выходца из мест, принадлежащих польской короне, но не поляка, а подданного Великого княжества Литовского, то есть Лейбниц преподносил свое мнение в качестве мнения человека, родившегося в этой стране,

⁷ См.: *Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen*. Pbg.; Leipzig, 1873. Bd. 1. S. 4 и далее; *Bittner K. Slavica bei G. W. v. Leibniz*. S. 18–25; *Benz E. Leibniz und Peter der Große*. S. 3–6.

⁸ Здесь и далее ссылки на отдельные пропозиции даются непосредственно в тексте (*прим. переводчика*).

⁹ Подробнее см.: *Benz E. Leibniz und Peter der Große*. S. 4. Anm. 6.

но все-таки соблюдающего известную дистанцию по отношению к Польше.

Образ Польши, созданный Лейбницем, скрывшимся под именем Литвин, гораздо точнее, чем образ России¹⁰. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом образе Польши, однако, некоторые соображения Лейбница по этому вопросу все же стоит отметить, поскольку без них невозможно понять его образ России. И говоря о Польше, и говоря о России, Лейбниц-Литвин нарисовал стандартную картину, которая отражала не только его собственные, но и общие представления, бытовавшие в ту пору на Западе и сформировавшиеся во многом под влиянием самой Польши, особенно в том, что касается России.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что Лейбниц со всею очевидностью рассуждает с позиции конституции польского выборного королевства. В качестве первой пропозиции подается утверждение, что благополучие Речи Посполитой («*bonum Reipublicae*») по праву совпадает в Польше с благополучием дворянства («*cum bono Nobilitatis in Polonia jure coincidit*»). Право голоса в выборном собрании принадлежит, по его мнению, исключительно дворянству («*in comitiis, suffragia jure in Nobilitatis potestate sunt*»). Отсюда и государство по праву принадлежит дворянству («*ergo et respublica jure in nobilitatis potestate est*»). Собственно говоря, заключает Лейбниц, дворянство и есть государство: «Собрания представляют государство; следовательно, образ государства воплощен в образе дворянства» («*comitia Rempublicam representant; ergo persona Republicae in Nobilitatis personam translata est*»); и далее следует последний вывод: «Посему благополучие Речи Посполитой по праву совпадает в Польше с благополучием дворянства» («*Ergo bonum Republicae cum Nobilitatis in Polonia jure coincidit*»). Сделав такой вывод, Лейбниц уже пишет просто: «Дворянство, а следовательно, и Польское Государство» («*Nobilitas et per consequens Respublica Polonica*», *prop.* № 2).

Таким образом, создается впечатление, будто Литвин по воле Лейбница рассуждает исключительно с позиции «золотой свободы» польского дворянства¹¹. В действительности же автор явно поддерживает лишь польскую конституцию — как идею и некий идеал. При этом он совершенно очевидно понимает и те опасности,

¹⁰ О том же свидетельствуют и последующие работы 1670 и 1671/1672 гг., ср. прим. 39.

¹¹ Г. А. Гурауер пишет о том, что Лейбниц принял на себя «роль польского аристократа-ханжи». См.: *Guhrauer G. A. Gottfried Wilhelm Leibniz. Breslau, 1846. Bd. I. S. 64*; о том же см.: *Bittner K. Slavica bei G. W. v. Leibniz. S. 19, 23*. То, что Лейбниц различал *nobilitas* и *aristocratia*, нигде не упоминается.

которые грозят этому основному закону со стороны самого же дворянства. Именно поэтому он делает различие между дворянством (*nobilitas*) и аристократией.

В пропозиции № 17 (S. 17) первое суждение гласит: «Аристократия опасна для поляков» («*Aristocratia Polonis periculosa est*»). Имеются в виду не все дворяне как таковые, а магнаты. Далее автор поясняет: аристократия — это форма республики, при которой «всей полнотой власти обладает группа могущественных магнатов» («*in qua Collegium Optimatum <...> summam potestatem habet*»). Поднявшись до уровня таких «оптиматов» могли только самые могущественные («*eligentur non facile nisi Potentissimi*»).

Если они будут согласны между собой, они захотят обладать всей властью в государстве («*volent potentiam Collegii, quantam possunt, seu absolutam*»), и тогда их власть будет сопоставима с властью короля («*tantam efficere poterunt ad potentiam Collegii Optimatum stabiliendam, quantam Rex indigena ad suam*»¹²). Но даже если между ними не будет согласия, то все равно, считает Лейбниц, это было бы опасно для государства.

Отсюда Лейбниц делает три вывода: «*Ergo Aristocratia si consentient Optimates, Libertati; si dissentient, quod vix potest non fieri, Securitati internae periculosa erit. Ergo Aristocratia est contra scopum Reipublicae Polonae*»¹³. Далее он высказывается еще более прямо: «*Ergo Aristocratia Polonis est periculosissima*»¹⁴.

Таким образом, как это явствует из приведенной выше пропозиции № 17, Лейбниц полагал, что главная опасность для Польши, в конституции которой закреплено исключительное положение дворянства, исходит изнутри самого дворянства — от магнатов.

В пропозиции № 6 (S. 9) говорится о том, дворянство (*nobilitas*) должно усердно нести военную службу, ибо Польша, по мнению Лейбница, — это военное государство, которое никаким иным образом не сможет сохранить свою свободу («*Nam Respublica Polonica militaris est; in Polonia milites debent esse nobiles*»¹⁵). Ведь у Польши, как говорится в пропозиции № 5 (S. 9), на которую ссылается автор, недружественные соседи, к которым следует относиться весь

¹² Они смогут добиться такого влияния сословия аристократов, какого нет и у настоящего короля (*лат.*).

¹³ Следовательно, если оптиматы поддержат аристократию, она будет представлять опасность для свободы, если же откажут ей в поддержке, что едва ли произойдет, то она будет представлять опасность для внутренней безопасности. Следовательно, аристократия непригодна для государства Польши (*лат.*).

¹⁴ Следовательно, аристократия наиболее опасна для поляков (*лат.*).

¹⁵ Ибо польское государство — военное; в Польше воинами должны быть дворяне (*лат.*).

ма серьезно, такие, как например, Москва («Respublica Polonica gravissimus hostibus, Turcis, Tartaris, Moschis contigua est»¹⁶).

В пропозиции № 9 (S. 10) автор развивает далее мысль об опасностях, грозящих Польше: все, что противно свободе, несет в себе угрозу безопасности Польши; к числу таких угроз, считает Лейбниц, относится, например, внутренняя война («intestinum bellum periculosum est»). Здесь имеются в виду две слабые стороны польского выборного королевства: вероятность того, что могущественные дворяне (оптиматы), в соответствии с конституцией, смогут вступить в союз с иностранными государствами, и наличествующая реальность, в которой эти могущественные дворяне настолько принижают основную массу населения, что вся эта масса превращается в диких животных, готовых разорвать друг друга на части, в результате чего «свобода обращается во вседозволенность» («libertatem in licentiam vertant», prop. № 8, S. 10).

В пропозиции № 10 (S. 11) первое суждение гласит: «Польша слаба, а времена для Польши опасные» («Polonia debilitata est, seu tempora nunc Polonis periculosa sunt»). Причины, по которым ослабело польское государство, обозначены в цитировавшихся выше пропозициях. Именно из-за своей слабости Польша уже потеряла многие области: Молдавию, Валахию и Ливонию; из-за отпадения казаков и русинов — всю Украину («defectione Cosaccorum et Russorum nigrorum <...> tota Ucraina»), затем еще и Пруссию из-за потери суверенитета над нею («resignatione summae potestatis in Prussiam Electoralem»¹⁷). Перечисленные потери — результат деятельности только что отрешенного от престола короля Яна Казимира, который продемонстрировал всей Европе конституционно закрепленную политическую слабость польского короля как такового. В выигрыше от этого оказывалась прежде всего Москва.

Не менее опасно для Польши в такие времена «равнодушие», пишет далее Лейбниц в пропозиции № 11 (S. 11): «Ergo Tempore periculoso indifferentia fiunt periculosa, periculosa vero periculosiora»¹⁸. И хотя о дворянстве здесь прямо не упоминается, но и это суждение направлено против него. Особое внимание Лейбниц обращает на опасность внутренних распрей: «Dissidia Polonis praeter caeteras Gentes periculosa sunt»¹⁹ (prop. № 12, S. 11 и сл.). Здесь Литвин говорит уже открыто: «Unitas Reipublicae <...> imperfecta est»²⁰.

¹⁶ Государство Польша граничит с опаснейшими врагами: турками, татарами, московитами (*лат.*).

¹⁷ За счет отказа от верховной власти над герцогством Пруссия (*лат.*).

¹⁸ Поэтому в опасные времена равнодушие становится опасным, опасным и даже очень опасным (*лат.*).

¹⁹ Раздоры для поляков опаснее, чем для других народов (*лат.*).

²⁰ Единство государства <...> нарушается (*лат.*).

Различие между идеальным «дворянством» («nobilitas») и реальной «аристократией» («aristocrazia») отчетливо демонстрирует слабость короля Польши, на которую автор последовательно указывает во всех упомянутых пропозициях. В доказательство этому автор приводит разнообразные примеры из польской истории XVII в. и всякий раз, рассуждая об «опасности» («periculosum»), явно имеет в виду русскую Москву, а один раз и прямо говорит об этом.

5

О раннем образе России у Лейбница позволяют судить и сообщения Литвина о внешнеполитическом положении польской короны. Примечательно, что он упоминает только об отношениях с Москвой и Священной Римской империей («Imperium Romanum»). При этом всякий раз, когда автор говорит о «христианском мире» («orbis christianus»), он имеет в виду исключительно Священную Римскую империю, хотя Москва и упоминается почти всегда первой.

Первый тезис в пропозиции № 7 (S. 10) гласит: «Цели единого христианского мира и польского дворянства совпадают» («orbis christiani consentientis et Nobilitatis Polonae scopus coincidunt»). Сразу за этим, однако, следует уточнение: Польша включает в себя не только христианские земли, но и варварские («Poloni in christianorum et barbarorum confiniis locati sunt»²¹). Кого при этом автор понимает под нехристианами-варварами, здесь не говорится. Далее автор пишет о том, что если Польша утратит свободу, то возникнет угроза всему христианскому миру, «ибо известно, что от восточных варваров страдает не только Польша, но и Германия» («et certe a Polonico maxime latere Germania Barbaris patet»). В качестве примера приводится нападение монголов на Силезию в XIII в.

Говоря устами Литвина о слабых сторонах польского государства, Лейбниц почти всегда имеет в виду опасность, грозящую с Востока, — опасность, которая тем больше, чем менее стабильно положение внутри самой Польши. Восток понимается широко: это могут быть турки, татары, монголы; но в то же время Лейбниц подразумевает под Востоком и Россию, которая как дальний сосед Германии вводилась тем самым в общую игру. Позднее, в эпоху раздела Польши, польский вопрос для европейской политики был, собственно говоря, русским вопросом. Именно поэтому чрезвычайно интересно то, что Лейбниц почти за сто лет до этих событий наметил именно такой вектор рассматривания общей расстановки сил. — Перейдем теперь к самому образу «Москвы», каким его обрисовал Лейбниц.

²¹ Польша расположена в пределах христианских и варварских (*лат.*).

В целом ряде мест Лейбниц прямо заявляет о том, что московский претендент не соответствует предъявляемым требованиям; еще больше таких, где этот вывод может быть сделан читателем.

В пропозиции № 28 (S. 25) говорится, что новым королем Польши не должен стать ребенок («*ergo eligendus puer esse non debet*»²²), и далее добавляется, что московский кандидат должен быть отклонен по этому пункту, так как ему к тому моменту исполнилось пятнадцать лет. Непосредственно за этим суждением следует еще несколько пропозиций, в которых Москва прямо никак не упоминается. Кандидат не должен, по мнению Лейбница, быть глупцом («*inertus*», проп. № 21, S. 19); он должен быть зрелым мужчиной и иметь сыновей (проп. № 31, S. 27). К этому добавляются требования, которые могли быть направлены только против московского претендента: кандидат должен быть католиком (проп. №№ 22, 23, С. 20 и сл.); польский язык ему знать не обязательно, но он должен хорошо понимать латынь (проп. № 27, S. 24 и сл.). Столь же очевидно против московского претендента направлено и требование, чтобы кандидат был физически крепким («*vegetus*») (проп. № 29, S. 25), а если не «крепким», то хотя бы «мудрым» («*prudens*», проп. № 30, S. 26), — о Москве и здесь прямо не говорится.

Таким же образом построены и рассуждения, в большей степени касающиеся политических навыков претендента. В пропозиции № 50 (S. 46) выдвигается требование, чтобы кандидат не враждовал ни с каким государством («*nulli Reipublicae hostis*»²³). Еще более ясно это сформулировано в пропозиции № 33 (S. 30): кандидат должен быть миролюбив, а не воинственен («*quietus esto, seu bellaturiens ne esto*»²⁴). Это, после всего уже сказанного, исключало Москву. То же относится и требованию того, чтобы новый король был снисходительным и осмотрительным («*patiens et modestus*»²⁵, проп. № 22, S. 29).

Сюда следует добавить еще несколько пропозиций (№№ 37–42, S. 34–38), в которых выставляются требования, чтобы кандидат «как истинный друг своего друга множил добро» («*verus Amicus Amici bona per se expetit*»²⁶, проп. № 37, S. 34). В переводе на язык политики это означало: король должен соблюдать договоры. Автор не называет никого из кандидатов, а лишь ссылается на классических и новых философов (Платона, Эпикура, Декарта) и приводит

²² Поэтому не должен быть избран мальчик (лат.).

²³ Не враг никакому государству (лат.).

²⁴ Пусть будет миролюбив, и не будет воинственен (лат.).

²⁵ Терпеливый и осторожный (лат.).

²⁶ Истинный друг желает другу блага (лат.).

несколько исторических примеров, и тем не менее можно предположить, что Лейбниц имел в виду конкретно Москву, о ненадежности которой он достаточно осторожно пишет в другом месте (проп. № 32, S. 29). В пропозиции № 53 (S. 53) прямо требуется, чтобы кандидат не был «соседом» («vicinus»), Москва же для всех своих соседей представляет опасность («infestus»).

Лейбниц особо ратует за то, чтобы при выборе кандидата не пострадала честь Польши: «Пусть не будет избран тот, кто оскорбит поляков» («Eligendus ne esto, qui Polonos laeserit», проп. № 48, S.42 и сл.). Аргумент, выдвигаемый здесь против москвича, представляется необычайно интересным: царь московский, — говорит Литвин, — который теперь хочет получить нашу корону для своего сына, коварно отказал сыну нашего короля в своей короне («Moscus ille, qui nunc nostrum Sceptrum suo filio indebitum flagitat, suum Sceptrum Regis nostri filio debitum, perfide ac periure abstulit»²⁷). То есть сравниваются случаи борьбы за престолонаследие 1605-го и 1669 гг., но при этом умалчивается, что польские войска тогда дошли до Москвы, чем вызвали в России сильные волнения, каковые в свою очередь, вплоть до самого XIX в., использовались в качестве обоснования экспансионистского стремления русских на Запад.

Даже более умеренное требование того, чтобы кандидат демонстрировал «благосклонное отношение» к Польше («benevolentia»), говорит, по мнению Лейбница, «против москвича» (проп. № 49, S. 44).

Качества, которые требуются от нового короля, прямо противоположны тем, что может предъявить русский соискатель, и сформулированы, похоже, по принципу «от обратного»: будущий король должен быть «известным» («notus», проп. № 20, S. 19), «мудрым» («prudens», проп. № 25, S. 21–24), «опытным» («expertus», проп. № 26, S. 24), он не должен быть «беспомощным» («egenus», проп. № 54, S.54–56), «зависимым» («obnoxius», проп. № 55, S. 56–58), как царевич от своего отца («Mosci filium Patre niti», проп. № 56, S. 59), а главное, он не должен быть чьим-либо «подданным» («subditus», проп. № 57, S. 59–61).

Некоторые, самые важные, суждения носят чисто политический характер и относятся к Московскому государству в целом. Например, претендент не должен быть выходцем из страны с деспотическим самодержавным правлением («despotico regimini seu absolutae potestati assuetus»²⁸) — «как московит» («ut Moschus», проп. № 36, S. 34). Вообще он не должен быть «властным»: «potens

²⁷ Тот самый московит, который теперь незаслуженно требует наш скипетр для своего сына, свой скипетр, предназначавшийся сыну нашего Короля, вероломно и клятвопреступно у него отнял (лат.).

²⁸ Привыкший к деспотическому управлению и абсолютной власти (лат.).

non esto»²⁹ (prop. № 51, S. 48–51). Эта пропозиция, как пишет сам автор, «прямо направлена против москвиты» («directe in Moscum incurrit», S. 50).

Лейбниц, как известно, придавал особое значение вопросам религии. Литвин требует: над «диссидентами», т.е. над людьми иной, не католической, веры, не должно учинять никакого насилия («dissidentibus vim ne facito»³⁰, prop. № 35, S. 32–34). В Польше следует воздерживаться от насильственных действий против инаковерующих («ergo in Polonia vi in dissidentes abstinendum»³¹). Лейбниц, разумеется, понимал, что это, собственно, и является слабым местом польского государства в эпоху Контрреформации. Чуть позже, в восемнадцатом веке, защита инаковерующих станет как для России, так и для Пруссии главным поводом для вмешательства в дела Польши, сначала осторожного, а потом уже и более решительного. Тем поразительней, что здесь Литвин, которого, очевидно, следует считать католиком, добавляет: «Эта пропозиция направлена против москвиты, в природе которого преследовать инаковерующих» («Caeterum haec propositio est contra Moscum, cuius natura est, disidentes a se persequi»), ибо «ненависть греков к латинянам непримирима» («Graecorum in Latinos implacabilia odia sunt», S. 33).

Появление этой фразы связано с тем, что в московском государстве, окрепшем после польского вторжения в Россию, в начале столетия, у кормила власти находился патриарх Филарет (Романов), который, проведя несколько лет в плену и хорошо зная Польшу и Литву, жестко и последовательно боролся против «литовских» влияний в России, и даже намеревался заставить православных из Литвы заново креститься³². Не исключено, впрочем, что Лейбниц знал и о конфликте, связанном с реформаторской деятельностью патриарха Никона. Как бы то ни было, но в этой пропозиции отчетливо проступает не столько «литовское», сколько чисто «польское» отношение к России.

Еще более очевидно это прочитывается в пропозиции № 47 (S. 41 и сл.). Претендент должен «быть любезен христианскому миру», — гласит суждение первое («eligendus orbi christiano gratus esto»). И далее: «Ни один христианский государь, конечно, не будет рекомендовать москвича, так как его вероломство, варварство, тирания известны. Даже Великий Понтифик знает, что надо избегать его опасного коварства» («Moscum certe nemo Christianorum

²⁹ Да не будет властным (лат.).

³⁰ Да не будет совершаться насилие над отступниками (лат.).

³¹ Следовательно, в Польше должно воздерживаться от насилия по отношению к отступникам (лат.).

³² Ср. Заключение первое: «Baptizatos negant» (S. 86). («Не признают крещеных» — лат.).

Principum suadet, nota ejus perfidia, barbaries, Tyrannis. Etiam Pontifex Maximus, etiam Clerus insidiosam illam Pellaciam vitandam sciunt»).

Все это еще раз кратко повторяется в первом Заключении (S. 84–86). Здесь уже автор открыто говорит о «московских варварах» («Turca alter»³³)³⁴. Все аргументы из предыдущих пропозиций сводятся воедино, независимо от того, была ли там названа Москва или нет: «Catholicus non est nec si erit, nisi ob Regnum erit. — Graecae quippe Religionis schismaticus, ab ipsis Graecis schismaticis degener. — Prudens expertusque non est, puer est. — Patiens modestusque non videtur, sed barbarus gente, moribus, educatione. — Status Regni pro monstro habens, soli despotico regimini assuetus, a prima pueritia, cujus insiti semel mores vix evelluntur. Tum nota illius gentis barbaries, nota superbia, quam grandibus illi titulis ineptiant, quam turgido, imo Hispanico fastu intonent. Crudelitas in deditos inexorabilis, intolerabilis licentia in victos. Jam olim *Lucanus*: “Saevisque affinis Sarmata MOSCHIS”. — Adversissimus orbi Christiano. — Hinc illae Pontificis Maximi, Clerique dissuasiones, hinc leges etiam Imperii Germanici et mandata ad Civitates Hanseaticae data de instrumentis belli ad Moschos Barbaros non devehendis. — Laesit Polonos et recenter et in simili causa, nempe electionis»³⁵. Как видим, для характеристики москвитов все пошло в ход — даже древнеримский поэт и испанская выпрени-

³³ Второй турок (*лат.*).

³⁴ S. 85 и сл.; ср. следующее прим. См. также: *Bittner K. Slavica bei G. W. v. Leibniz. S. 22 и сл.* Ср. там же: «At vero nec vicini immoti, ac velut siderati stupebunt, sentient quantum e Republica petatur, duplicari Turcam, propugnaculum Christianitatis a Barbaris capi, consurgere molem opprimendae Europae parem» («Но соседи же, не равнодушные, а словно пораженные небесными светилами застынут, когда узнают, что турки усилились тем, что отнято у Речи Посполитой, что оплот христианства захвачен варварами, что воздвиглась глыба, равная потесненной Европе» — *лат.*).

³⁵ Он не католик, а если станет им, то только ради власти. — Ведь он отступник от греческой веры, отколовшийся от самих греческих схизматиков. — Он неразумен и неопытен, он мальчик. — Он не кажется терпеливым и осторожным, но варварского происхождения, нравов и воспитания. — Полагая устройство королевства нелепым, он привык исключительно к деспотическому правлению с раннего детства, и врожденные нравы его едва ли исправятся. Далее, известно варварство этого народа, известна его надменность, как они болтают вздор о великих титулах, как гремят напыщенным, почти испанским чванством... Неумолимая жестокость к подданным, невыносимый произвол по отношению к побежденным. Недаром [говорил] еще Лукан: «И свирепые соседи сарматов Москвиты» — Враждебнейший христианскому миру. — Отсюда и отговаривание Папы Римского и духовенства, а также законы Германской империи и данные ганзейским городам распоряжения не поставят московским варварам военное снаряжение. — Оскорбил поляков недавно в похожей ситуации, касающейся именно выборов.

ность. Любопытно и то, что автор называет русских греческими схизматиками, которые, при этом и тут не удержались и ушли в раскол, — это обвинение совершенно очевидно имеет своим истоком позицию польских иезуитов, идеологов польской контрреформации (Петр Скарпа).

В качестве исторического примера автор приводит здесь первую русскую войну против Запада при Иване Грозном, войска которого в итоге вынуждены были отступить перед армией польского короля Стефана Батория: «Non vetera persequar, non immanem Johannis Basili Tyrannidem exagitabo, non florentia Livoniae veteres vicinos deplorabo. Novis tantum advertite mentem: quantus terror fuit toti Europae, cum Barbarus ducentorum milium exercitu Livoniae non ita pridem Lithuaniaeque nostrae se infudit, omni crudelitatis genere grassatus est, flammis incendiisque omnia longe lataeque vastavit, multa hominum milia pecorum instar abegit, et in servitutum Turcis, tartarisque vendidit. Rebelles vero Cosaccos sollicitavit, juvat et nunc quoque sustinet. Illud vero quis ferat, qui suas ditiones Regis nostri filio Magno Vladislao extorsit, eum a nobis regnum postulare; felix scelus, si beneficium meruit, turpes nos, si non aliter praedonem ulciscimur, miseros, si cum praemio irritamur»³⁶.

Опытom Ливонской войны 1558–1583 гг., вероятно, вызваны все представления о русском варварстве. Истоки же этих общих представлений и в этом случае следует искать в Польше. Именно здесь принято было ставить в один ряд московитов, турок, татар и казаков³⁷, хотя всякий, кто попытался бы противопоставить это-

³⁶ Я не буду вспоминать старое, не буду ворошить страшное тиранство Ивана Васильевича, не буду оплакивать старых соседей из плодородной Ливонии. Подумайте о новом: какой ужас был для всей Европы, когда варвар двухсоттысячным войском нахлынул на Ливонию и не так давно на нашу Литву, свирепствовал со всей жестокостью, огнем и пожарами опустошил все вдоль и поперек, угонял многие тысячи людей как скот и продавал в рабство туркам и татарам. Подстрекал мятежников, то есть казаков, помогал им и даже теперь поддерживает. И тот, кто отнял свои владения у сына нашего короля Великого Владислава, намеревается требовать у нас этого царства; блаженно злодейство, если заслужило милости, презренны мы, если не мстим иначе разбойнику, жалки, если поощряем наградой (*лат.*).

³⁷ См. Заключение первое: «Moschus et Christianis moratoribus, et prudentibus cunctis, et quibusvis sanis hominibus semper horrori fuit, suetus servituti suorum, nulla jam exceptione parendi. Turca alter, cui par prope viribus, terribilior vicinitate, superior barbarie, obstinatione animi, odio in dissentientes. Cohorrescit adhuc Livonia ad memoriam crudelitatis, nihil simile a Turcis editum. <...> His moribus quid refert Christianum esse? Graecorum schismate nullum pertinacius, <...> quia non ratione, sed stupore, sed ignorantia habentium radicatur». («Московит, привыкший к рабству своих людей, подчиняющихся уже без возражений, всегда будет вселять ужас и настоящим хрис-

му «положительные» образцы, вынужден был бы вспомнить о том, что и два столетия спустя, например, в габсбургской монархии при Марии Терезии продавали лютеранских пасторов туркам. Едва ли Лейбниц не отдавал себе отчета в том, что аналогичные упреки можно было бы выдвинуть и в адрес шведов-лютеран, которые пошли войной на Германию, Польшу и Богемию. Ведь это и были как раз те самые религиозные войны, которые подвели его к идее разработки крупномасштабного плана мирного объединения всех конфессий.

7

На этом список обвинений Лейбница не заканчивается. В пропозиции № 33, он считает нужным тут же предостеречь будущего польского короля от излишней «воинственности»: «Moscus certe, Turcas, Tartaros, quiescentes, non nisi stulte lacessemus. Sinamus eos collidi inter se potius, ut jam coeperunt»³⁸ (S. 30). Не следует бросать вызов русским, туркам и татарам, — пишет Лейбниц, — если они ведут себя мирно; лучше столкнуть их друг с другом. Здесь намечена политика, которая дожила до наших дней: оставить Россию в покое, сохранять по отношению к ней нейтралитет, при условии, конечно, что и она будет держаться нейтрально, и пусть она тогда занимается прочими своими врагами. В XIX в. это вылилось в активную политику по сохранению нейтралитета и объединение усилий в борьбе против Турции. И это направление уже было намечено Лейбницем в 1670 г.: совместная политика для защиты от турок³⁹.

Лейбниц, пожалуй, более, чем кто-либо другой, способствовал распространению на Западе в преддверии эпохи Просвещения тианам, и всем разумным, и всяким здравомыслящим людям. Этот другой турок, который почти равен силой первому, более ужасен соседством, превосходит его своим варварством, упрямством, ненавистью к несогласным. До сих пор содрогается Ливония при воспоминаниях о жестокостях, подобных которым не производили турки <...>. С такими нравами как можно называться христианином? Нет более упорствующего, нежели греческий схизматик, <...> потому что утвердился он не разумом, но косностью и невежеством» — *лат.*)

³⁸ Конечно, очень неразумно, если мы раздражим московитов, турок, татар, пока они спокойны. Позволим им лучше ссориться между собой, как это уже и происходит (*лат.*).

³⁹ *Bedencken welchergestalt Securitas publica interna et externa und Status praesens im Reich auf festen Fuß zu stellen* [1670] // *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. S. 133–170; Consilium Aegyptiacum* [1671/72] // Там же. S. 217–412; *De Polonia* // Там же. S. 349–355; *De Mosco* // Там же. S. 355 ff. — Подробнее см.: *Bittner K. Slavica bei G. W. v. Leibniz. S. 26 f.; Benz E. Leibniz und Peter der Große. S. 38–47.*

образа России в его польском варианте. Когда Лейбниц писал свой «Трактат о польском престолонаследии», разворачивая его в пользу пфальцграфа Нойбургского и решительно отклоняя прочих претендентов, в первую очередь, русского царевича, ему было двадцать два года. Тем значительнее тот факт, что уже в таком молодом возрасте он, при всей своей отчетливой ориентации на политические представления Польши, тем не менее ясно видел ее слабые стороны и откровенно об этом писал, не говоря уже о том, что он, хотя и рисовал Россию в черных красках апокалипсического ужаса, тем не менее признавал за ней весомую силу, когда предостерегал от военных столкновений с ней. Он прекрасно видел, что опасность, которая, казалось, грозила Европе со стороны России, в действительности заключалась в слабости польского государства и его конституции.

8

Куда более известны многочисленные поздние попытки Лейбница в письмах и памятных записках напрямую обратиться к России, к ведущим политикам российского государства, в том числе и к самому Петру. Поэтому нет необходимости останавливаться здесь на этом более подробно⁴⁰. Вслед за первыми беглыми замечаниями о России, сформулированными уже в 1670 г., Лейбниц, начиная с 1697 г., пытается установить прямые контакты, что, в конечном счете, привело к встречам философа с русским царем. Целью этих усилий был план в одночасье превратить Россию в страну с европейской цивилизацией и образованием⁴¹, избежав при этом европейских ошибок, — последнее особенно воодушевляло Лейбница⁴².

Эти высказывания и усилия Лейбница после прихода к власти Петра I свидетельствовали, как об этом уже неоднократно писалось, о «бросающейся в глаза перемене», «в результате которой

⁴⁰ См. работы, упомянутые в прим. 5, особенно: *Benz E. Leibniz und Peter der Große*. Более ранние источники см. в: *Bittner K. Slavica bei G. W. v. Leibniz*. S. 192 и сл.

⁴¹ Так, в письме к барону Урбиху, русскому послу в Вене, от 03.01.1708 г. Лейбниц писал о своем намерении «привить <России> науки, искусства и добрые нравы» (*Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen*. № 61. S. 75 и сл.; *Bittner K. Slavica bei G. W. v. Leibniz*. S. 192, 509, 529 и сл., 536–540; *Benz E. Leibniz und Peter der Große*. S. 19.

⁴² Памятная записка царю Петру, декабрь 1703 г.: «Многих ошибок, допущенных у нас, вы бы смогли избежать или исправить их». Цит. по: *Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen*. № 73. S. 95; *Benz E. Leibniz und Peter der Große*. S. 20, 27.

Савла обратился в Павла»⁴³. Причина этого заключалась, якобы, в том, что Лейбниц «все больше поддавался очарованию личности Петра»⁴⁴. «В процессе драматического развития отношения Лейбница к Петру» у философа «все отчетливее формировалось сознание собственной миссии»⁴⁵.

Конечно, нельзя обойти вниманием то объяснение, которое сам Лейбниц дал своему все возрастающему интересу к России. Этот интерес действительно в значительной мере объяснялся тем, что он полагал, будто обрел в царе, — в котором было как будто так мало «русского» — именно того человека, каковой поможет осуществить планы «поощрения основных наук»⁴⁶. Как бы то ни было, но перемена, произошедшая во взглядах Лейбница, все же отличается от обращения Савла в Павла, как это явствует из предшествующего разбора «Трактата о польском престолонаследии» 1669 г.

Гораздо более важным представляется то, что Лейбниц, установив сношения с русским царем, чувствовал себя в положении человека, которому «открылся бесформенный мир неограниченных возможностей»⁴⁷. Он не устал повторять, что Россия — это «*tabula rasa*», «*comme une nouvelle terre*»⁴⁸. И сам царь, по его словам, *tabula rasa*⁴⁹, равно как и прочие «умы в русских землях»⁵⁰.

Судя по всему, Лейбница совершенно не интересовало своеобразие России. При таком его представлении о стране едва ли мож-

⁴³ «Его прежний взгляд на Россию в корне изменился» (*Benz E. Leibniz und Peter der Große. S. 3, 8*).

⁴⁴ «Он поддается магии, исходившей от Петра» (Там же. S. 8); «Как в любовном романе...» (Там же. S. 8); идея «воспитания России вспыхнула у Лейбница с силой внезапного озарения» (Там же. S. 26).

⁴⁵ «В представлении Лейбница миссия Петра совместилась с его собственной миссией» (Там же. S. 16, 19).

⁴⁶ См. письмо Брюсу от 16.01.1712 (*Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen. № 139. S. 199*); далее Лейбниц пишет: «Мне только не хватало настоящего покровителя, который захотел бы принять к сердцу это дело, и такого я, надеюсь, наконец, обрел в Его Величестве». См.: *Benz E. Leibniz und Peter der Große. S. 23, прим. 42*.

⁴⁷ *Benz E. Leibniz und Peter der Große. S. 13*.

⁴⁸ Как новая земля (*фр.*); из письма от 31.05.1697 к неизвестному (*Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen. № 8. S. 9*); «Россия — та же terra vergine» (Памятная записка 1716 г. // Там же. № 240. S. 359); см. также письмо к Урбику, от 3.01.1708 (Там же. № 61. S. 75); письмо к царю, декабрь 1708 г. (Там же. № 73. S. 95). Подробнее об этом см.: *Benz E. Leibniz und Peter der Große. S. 16–30*.

⁴⁹ Письмо от 02.09.1709 (Там же. № 89. S. 121); *Benz E. Leibniz und Peter der Große. S.28, прим. 53*.

⁵⁰ Письмо царю, 1711 (Там же. № 125, S. 175); *Benz E. Leibniz und Peter der Große. S. 28, прим. 55*.

но говорить о том, что в данном случае действительно имела место какая-либо перемена. Ведь ни в 1669 г., ни после 1689 г. он не старался узнать что-либо новое о самой России, а в старости, при всем положительном отношении к этой стране, может быть, еще меньше, чем прежде. Конечно, в нем говорил рационализм просветителя. Только с появлением Гердера действительно начались перемены.

И тем не менее, новый образ России возник. Из варварской страны, от которой, по возможности, следует держаться подальше, она превратилась, говоря современным языком, в «развивающуюся страну», в отношении с которой требуется «не недоверие, а сотрудничество»⁵¹.

9

Помимо этого есть у Лейбница и еще один образ России. Мы находим его в цитированной выше памятной записке царю 1711 г., где этот образ непосредственно соседствует с топомосом «*tabula rasa*»: «Поскольку умы в русских землях являют собой еще *Tabula Rasa* и подобны невспаханному полю, то можно будет избежать того повреждения наук, что укоренилось в Европе, причем столь глубоко, что избавиться от этого нелегко. А русские могли бы вынести для себя пользу из чужих ошибок и, при хорошем устройении наук, засиять добрым примером для всей остальной Европы <...>, ибо тогда не только северные земли (т.е. Россия — *G. P.*) стали бы лучше, но и в наших землях воссиял бы новый свет»⁵².

Итак, теперь Россия — это страна, свет которой указывает путь всей Европе. Разумеется, это суждение просветителя о будущем России, сказанное мимоходом, по сути своей не имеет ничего общего с тем восторженным упоением Россией, которое распространилось в конце XIX в. и вспыхнуло снова в начале советской эпохи, — этот восторг питался антицивилизаторскими вениями, культивировавшими идею спасения, которое могла дать «не оформившаяся» Россия, сначала как святая Русь, потом — как прогрессивное социалистическое государство. И тем не менее, в этом беглом замечании Лейбница о новом свете, который даст миру Россия, предвосхищается то, что будет определяющим для восприятия России вплоть до самого XX в.

⁵¹ Так в: *Benz E. Leibniz und Peter der Große*. S. 23.

⁵² По *Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen*. № 125. S. 175 и сл.; *Benz E. Leibniz und Peter der Große*. S. 23, 28 и сл.

10

Как видим, у Лейбница не два, а три разных образа России: образ варваров, которых следует опасаться и от которых нужно держаться как можно дальше; образ «*tabula rasa*», на которой можно было бы развернуть европейскую цивилизацию, и образ нового света, который прольется из России и озарит путь Европе. Это те три образа, которые с тех пор определяли культурно-политическое мышление и политические действия европейцев по отношению к России: ужас и отторжение — миссионерский энтузиазм цивилизаторов — восторженное увлечение.

Те же три тенденции определяли и общественное мнение. И только в редкие моменты истории на протяжении последних 300 лет наличие таких образов России заставляло задуматься о необходимости создания учреждений, в задачу которых входило бы накопление знаний о России и осмысление образа этой страны, а, следовательно, и того, как мы сами видим себя. В XX в. такой период был, и пришелся он, как это ни парадоксально, на эпоху холодной войны, на ее вторую половину. В XXI в., однако, все это снова сошло на нет.

Перевод с немецкого Екатерины Ботовой.

*Перевод с латинского А. В. Березкина, В. Е. Попова,
А. И. Филюшкина*